

DOI 10.31029/vestdnc97/8

УДК 94(470.67)

КУЯДИНСКИЕ ХУТОРА КАК РЕЛИКТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

Ш. М. Хапизов¹, ORCID: 0000-0002-1958-9498

М. М. Хирачиев², ORCID: 0000-0000-0000-0000

¹Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

²Новомугурухская СОШ Чародинского района, с. Мугурух, Россия

THE KUYADA HAMLETS AS A RELICT OF MEDIEVAL SETTLEMENT PATTERNS

Sh. M. Khapizov¹, ORCID: 0000-0002-1958-9498

M. M. Khirachiev², ORCID: 0000-0000-0000-0000

¹Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

²Novomugurukh Secondary School of Charodinsky District, Mugurukh village, Russia

Аннотация. Куядинская община представляет собой уникальный пример сохранения раннесредневековой модели расселения, характерной для Нагорного Дагестана. В отличие от большинства аварских селений, где произошла консолидация в крупные аулы (XIV–XV вв.), Куяда сохранила децентрализованную структуру из 67 хуторов без единого центра. Представляется, что Куядинские хутора – не новое явление, а реликт средневековой системы расселения, сохранившийся благодаря уникальному сочетанию географических, экономических и социальных факторов. Их структура отражает архаичные черты дагестанского общества: тухумную организацию, хозяйственную автономию и адаптацию к вызовам времени. Это делает Куяду ценным объектом для изучения эволюции поселенческой структуры Дагестана. Причины оригинальной поселенческой структуры Куядинских хуторов видятся в целом ряде обстоятельств. Во-первых, это хозяйственная специализация, связанная с развитием металлургии и деревообработки, что требовало рассредоточения населения для эффективного использования ресурсов. Во-вторых, сыграла свою роль географическая изоляция, то есть расположение в труднодоступной котловине способствовало сохранению архаичных форм общественного устройства. В-третьих, свою роль сыграли исторические процессы, поскольку предания связывают распад центрального поселения Росоль с эпидемией чумы (XVII в.) и внутренними конфликтами, что привело к миграции на хутора. Археологические данные (могильники V–XIV вв.) и этнографические исследования подтверждают древность этой системы, что исключает ее позднее происхождение.

Abstract. The Kuyada community represents a unique example of the preservation of an early medieval settlement model characteristic of Highland Daghestan. Unlike most Avar villages, where consolidation into large auls occurred (XIV–XV centuries), Kuyada retained a decentralized structure of 67 hamlets without a single center. The Kuyada hamlets appear not as a new phenomenon, but as a relict of the medieval settlement system, preserved due to a unique combination of geographical, economic, and social factors. Their structure reflects archaic features of Daghestani society: the tukhum (clan) organization, economic autonomy, and adaptation to the challenges of the time. This makes Kuyada a valuable object for studying the evolution of the settlement structure in Daghestan. The reasons for the original settlement structure of the Kuyada hamlets are seen in a number of circumstances. Firstly, economic specialization related to the development of metallurgy and woodworking required a dispersed population for efficient resource use. Secondly, geographical isolation played a role; location in a hard-to-reach basin contributed to the preservation of archaic forms of social structure. Thirdly, historical processes were significant, as legends associate the disintegration of the central settlement of Rosol with a plague epidemic (XVII century) and internal conflicts, leading to migration to the hamlets. Archaeological data (cemeteries from the V–XIV centuries) and ethnographic research confirm the antiquity of this system, ruling out its late origin.

Ключевые слова: Дагестан, аварцы, Куяда, поселенческая структура, селение, хутор.

Keywords: Daghestan, Avars, Kuyada, settlement structure, village, hamlet.

Формирование крупной сельской общины или ее разделение, история объединений сельских общин, хозяйственная специализация различных природно-географических зон, влияние внешних факторов, а также вопросы этнической инфильтрации – все это взаимосвязанные элементы, и лишь их комплексное исследование позволяет получить более или менее целостное представление о развитии дагестанского общества [1, с. 108]. Изменения в социальной жизни дагестанского общества также отразились на то-

пографии средневекового дагестанского селения, а именно на взаимоотношениях между кварталами и проживающими в них тухумами. Совпадение названий квартала и живущего в нем тухума является отголоском эпохи, когда при основании нового поселения каждый тухум занимал отдельный квартал. Это явление сохранилось в топографии некоторых современных дагестанских селений, хотя таковых осталось немного. Как правило, топография аулов демонстрирует, как тухумный принцип расселения постепенно уступал место территориально-тухумному, когда в одном квартале селились представители нескольких тухумов или же члены одного, ранее компактного тухума, оказывались расселенными по разным кварталам [1, с. 143].

Дагестанские историки и этнографы установили, что в XIV–XV вв. в Нагорном Дагестане происходил процесс объединения мелких тухумных поселений в более крупные сельские территориальные, территориально-тухумные общины. Этот феномен был связан с необходимостью укрепления обороноспособности, улучшения управления и оптимизации хозяйственной деятельности в условиях сложной политической и экономической обстановки того времени. Синойкизм способствовал формированию более крупных и устойчивых социальных структур, которые играли ключевую роль в организации жизни дагестанского общества. В результате этого процесса возникали крупные населенные пункты, что позволяло эффективнее противостоять внешним угрозам и внутренним вызовам. Этот процесс также отражал изменения в социальной и экономической жизни региона, включая развитие земледелия, ремесел и торговли, а также усиление межобщинных связей, приведших к формированию т.н. союзов сельских обществ или кавказских «республик», известных в Дагестане под аварским названием *бо* или даргинским *хӀуреба* [2, с. 15].

Однако эта в целом стройная и органичная концепция имеет и свои исключения или примеры, выбивающиеся из общего ряда. Наиболее ярким примером такого рода является Куядинская сельская община, вопреки всем стандартам не имеющая центрального поселения, вокруг которого формировалась бы система отселков и хуторов. Напротив, всю обозримую по письменным источникам и устной традиции историческую эпоху она заключалась в нескольких десятках населенных пунктов, которые справедливо именуются хуторами – авар. *кули*. Ниже мы приводим наиболее полный список хуторов, из которых состоит Куядинская община:

1. Гюбох («у холма»);
2. Баланоб («под хребтом»);
3. Гюдобериб;
4. Щибилазда;
5. Мугъдаб («на тыльной стороне»);
6. Гүсилазда («у Усиловых»);
7. ГүнахъуцІла («у замерзшего болота»);
8. ХІебдиб («у скальных выходов соли»);
9. Гүмайласулазда («у Умайласуловых»);
10. Гарбилазда («у перевальных»);
11. Кукер;
12. Гүрала ракъанда («у целинного края»);
13. Аса Гүрала («верхняя целина»);
14. КъулгІала («у крытого родника с бассейном»);
15. Гүралабакъдаб («целинный солнечный склон»);
16. МучІугІала («просяное»);
17. Цалада («у хряща»);
18. Ивайлазда («у Ивайловых»);
19. Дадулазда («у Дадуловых»);
20. Балдукъ («под хребтом»);
21. Харалазда («у Хараловых»);
22. ХІацоноб;
23. Басар;
24. Чарахъ;
25. Къогъоб;

26. Паниккалаб;
27. Ичицуб («в девяти родниках»);
28. Сех («у башни»);
29. Хьуцла («у болота»);
30. Корокъ («под общественной печью»);
31. Гьоркъа Хамагъиб;
32. Гьарах («у речки»);
33. Тамазида («у Тамаза»);
34. Росоль («в селе»);
35. Гьогъола («у каменной осыпи»);
36. Цамла («у соли»);
37. ЗазикІкІалаб («в ущелье колочек»);
38. Хьрасул кули («хутор Херава»);
39. ПенкъогъаГриб («в глухой равнине»);
40. Гвалла;
41. КкалахІариб;
42. Лахчаида;
43. Асалахчаида;
44. Щобада («на хребте»);
45. Агъада («на пяточке»);
46. Гвадайилазда («у Гвадайиловых»);
47. МахІачикули («хутор Махача»);
48. ГъазираГала («у края Гази»);
49. Пайзулагъил кули («хутор Пайзулы»);
50. Побоноб («под холмом»);
51. ХІатІла («на глине»);
52. Эгъеда («на пяточке»);
53. Эхулазда («у Эхуловых»);
54. ЗангалІалил кули («хутор Занга-Али»);
55. Эгъедахъуц («на пяточке – болото»);
56. ЩагІалазда («у Шааловых»);
57. Гамургъариб;
58. МухІамаханилазда («у Магомедхановых»);
59. Генсерода («у штыка – трости»);
60. Чоноб;
61. БацІикъвариб («у волчьей теснины»);
62. АсхІабилазда («у Асхабовых»);
63. Айгумил кули («хутор Айгума»);
64. Кьодух («у моста»);
65. ХІенда;
66. Аса Хамагъиб;
67. Хамагъиб алабазда.

Таким образом, мы видим, что самостоятельного населенного пункта под названием Куяда не существовало, и это наименование покрывало около 70 хуторов, расположенных в компактной природной геоморфологической зоне. В настоящее время в системе административно-территориального деления Республики Дагестан также нет населенного пункта или сельского муниципалитета с таким названием. Если обратиться к истории последних 100 лет, то недолгое время административная единица с таким названием все-таки существовала. Куядинский сельсовет был образован декретом ВЦИКа от 20.01.1921 составе Куядинского участка Гунибского округа (с 18.11.1928 – Гунибского района). Про-существовав около 14 лет, Куядинский сельсовет был упразднен постановлением Президиума ЦИКа ДАССР от 26.04.1935, с образованием Сехского (в 1946 г. переименован в Агадинский) и Уралинского сельсоветов. Оба сельсовета постановлением Президиума Верховного Совета ДАССР от 27.12.1951 были объединены в Тлогодский сельсовет.

Сельская община Куяда расположена в обширной котловине между горными вершинами Тлили-меэр и Гунибским плато, которые соединяются между собой горными отрогами. Ее размеры – 8 × 3 км. Вместе с тем куядинцы имеют земли также западнее Тлили-меэра, и общая площадь земель Куяды составляет 4084 га. Выход из этой котловины пролегает только через ущелье, образованное речкой Кудиябор, впадающей в р. Аварское Койсу (Авар-ор). Данная община интересна тем, что имеет необычное для Дагестана расселение: вместо структуры из центра-селения и окружающих его хуторов она состоит из 70 хуторов, которые не имеют единого крупного центра. Каждый из хуторов имеет свое название, а Куяда (*KIkIyada* – «в дыму») является объединяющим наименованием этих небольших населенных пунктов. По устной традиции, вся котловина была заполнена кузницами, поэтому над ней постоянно висела дымка, чем, возможно, и объясняется этимология названия Куяда. Демографическая динамика довольно стабильна, и, несмотря на значительный отток населения, в Куяде количество жителей существенно не изменилось за последние десятилетия. К примеру, по данным на 1886 г. в Куяде насчитывалось 537 хозяйств и 2 192 жителя [3, с. 47], а по переписи 2010 г. – 782 хозяйства и 2 205 жителей.

Куяда была известна как центр по выплавке железа, изготовлению оружия, сельхозинвентаря, а также производства медной посуды, ювелирных изделий [4, с. 95]. Помимо металлургии в Куяде была развита деревообработка. На хуторах производились мебель, предметы домашнего обихода, сельскохозяйственный инвентарь, станки для ковроткачества и суконного производства, мерки для измерения зерна и фруктов, музыкальные инструменты. Многие из них украшались искусной резьбой [4, с. 93]. Помимо металлургии, деревообработки, резьбы по камню, в Куяде были развиты также более редкие для Дагестана ремесла. К примеру, здесь из гагата (разновидности каменного угля) делали бусы, мундштуки и даже газыри [5, с. 148].

В отличие от прочих аварских селений Нагорного Дагестана овцеводство не играло существенной роли в хозяйстве Куяды, которую можно включить в состав общин, где было принято разведение крупного рогатого скота. К примеру, в начале второй пол. XIX в. в Куяде на 537 хозяйств имелось 5001 голова крупного рогатого скота и всего 3304 овцы [4, с. 108].

Дагестанские историки и этнографы пытались найти объяснение особенностям заселения Куядинской котловины мелкими населенными пунктами. А.Р. Шихсаидов, к примеру, опираясь на сведения арабского автора ал-Масуди, писавшего о 12 тысячах населенных пунктов для Сарира в X в., обоснованно замечает, что в подавляющем большинстве это были небольшие тухумные поселения, на основе объединения которых обычно и складывались впоследствии большие селения. По его словам, «в Куядинском обществе сохранилось и до сих пор такое расселение, которое было, по-видимому, характерно для раннесредневекового Дагестана. Некоторые из этих хуторов и по сей день заселены представителями одного тухума или нескольких родственных тухумов, образующих «кьибил». По преданию, эти родственные группы издавна живут каждая в отдельном хуторе. Более подробной характеристикой этих хуторов мы, к сожалению, не располагаем. Предположение о позднем происхождении этих хуторов отпадает, ибо несколько могильников на этих хуторах, исследованных Д. М. Атаевым, дали раннесредневековый материал» [1, с. 101–102].

Этнограф А. Исламмагомедов также согласился с этим мнением, предполагая, что «особенности средневекового расселения сохранились до нашего времени в топографии многочисленных хуторов и поселений, образующих Куядинское общество. Касаясь вопроса об их происхождении, можно было бы допустить мысль о том, что эти населенные пункты возникли сравнительно позднее и являются хуторами, т.е. отселками больших поселений. Однако такому предположению противоречит имеющийся археологический и этнографический материал. Почти в каждом хуторе и селении здесь мы находим древние могильники (Тлогоб, Урада, Сах, Балануб и др.), датируемые ранним средневековьем, что доказывает их древнее происхождение по сравнению с большими поселениями. Как удалось выяснить, некоторые хутора (Мачала, Балануб, Урада) заселены представителями одного или нескольких тухумов, т.е. группой родственного по происхождению населения («кьибил»). Согласно преданию, эти группы родственного населения издавна населяют принадлежащие им хутора. Таким образом, на территории Куядинского общества по невыясненным причинам сохранилась такая картина расселения, которая была по-видимому характерна для всей Аварии в эпоху раннего средневековья» [6, с. 164].

Проведенные археологические исследования дали возможность сделать вывод о заселении и освоении Куядинской котловины по меньшей мере с бронзового века. Как уже отмечалось выше, средневековые могильники и поселения были выявлены у хуторов Урала (V–VII вв. и IX–XIV вв.), Балануб, Тлогод, Сех, Судала [7, с. 195–196]. Археологический материал может свидетельствовать о рассредоточении населения Куяды по различным населенным пунктам вплоть до распространения ислама в XV в.

Вместе с тем предания говорят о том, что в старину на территории Куяды имелось центральное поселение, по сей день известное как *Росоль* (авар. – «в селении»). В то время как большинство хуторов Куяды расположено в относительно доступных местах, на террасах или пологих склонах, развалины данного поселения расположены на труднодоступном скальном мысе между двумя ущельями. Впоследствии село, ранее составлявшее единую общину, разделилось на множество хуторов. Причины этого разделения остаются неясными: возможно, оно было вызвано постоянными внутренними конфликтами среди жителей, а возможно, стало следствием эпидемии чумы [8, с. 97]. Однако достоверных письменных свидетельств, подтверждающих ту или иную версию, не сохранилось. Вместе с тем предания говорят о том, что объединение хуторов состоялось после принятия ислама, которое по аналогии с Ругуджа и Гидатлем, вероятно, произошло в XV в. Археологический материал, кажется, подтверждает эту версию, поскольку могильники на хуторах имеют верхний предел XIV в., а кладбищ раннеисламского времени для данной котловины (конец XV–XVI вв.) в Куяде не имеется, кроме как около центрального в прошлом поселения Росотль (*Росоль*).

В пользу этого предположения говорит и тот факт, что, несмотря на большое количество хуторов, в Куяде распространен единый говор – куядинский. В речи жителей разных хуторов наблюдаются лишь незначительные фонетические различия, тогда как грамматические и лексические особенности отсутствуют. Эти различия проявляются в произношении отдельных звуков, ударении в некоторых словах, а также в темпе речи. Например, для *бакъулал* (авар. – «южные» или «живущие на солнечной стороне»), жители западных хуторов Куяды, расположенных на стороне горы Тлили-меэр), характерен быстрый темп речи. В то же время речь *гъванал* (авар. – «северные» или «живущие на теневой стороне»), жители восточных хуторов Куяды, находящихся на стороне горы Гуниб), напротив, отличается замедленностью, растягиванием звуков и вставкой дополнительных звуков – эпентезой [8, с. 97].

Обращение к устной традиции говорит о том, что в прошлом куядинцы составляли единое общество с южными своими соседями, центр которого располагался в Ругудже. Во время принятия ислама начались конфликты, приведшие к отделению хуторов Куяды с неким общественным центром в селении Обох. Уже после утверждения ислама в местности Росотль была построена пятничная мечеть и образовалось укрепленное поселение. Через некоторое время после этого, в годы страшной чумы, старейшина якобы приказал сельчанам переселяться отдельными семьями в новые места и основать хутора во избежание массовой гибели народа. Так куядинцы якобы расселились по 70 хуторам.

Если исходить из того, что ислам в Карахе и соседней Ругудже распространился в 1475 г. [9, с. 58–63], из преданий о синхронности этого процесса в Куяде, то последовавшую после нее эпидемию чумы мы можем датировать 1687 г. на основании письменных источников о распространении этой болезни в соседнем селении Бацада [9, с. 75]. Таким образом, если верить преданиям куядинцев, то Росотль являлся центральным поселением котловины с конца XV в. до конца XVII в., т.е. около 200 лет (1480–1680-е годы). Наличие надмогильных памятников XVI–XVII вв. именно в Росотле, кажется, подтверждает нашу реконструкцию.

Тухумно-территориальная структура

Предпринятый нами сбор полевого материала в поселениях Куяды дает нам возможность сделать вывод о том, что куядинский джамаат делится на 19 больших и малых тухумов: *Хьиндалал*, *Диядилал*, *Халилал*, *Маччаял*, *Рахлмалал*, *Ишимиял*, *Танкалал*, *Дугъумилал*, *Къурбанчилал*, *Шайихилал*, *Къулуласулал*, *Гъородиносел*, *Нухлал* (*Гъогласел*), *Билалал*, *Миччиталал*, *Багилал*, *Габдайилал*, *Бакъдасел*.

№	Название тухума	Место расселения тухума	Ветви внутри тухума
1.	Хьиндалал	Баланоб, Мугъдаб, Сех, Кьогъоб, ГъазирагIала, Гюбох, Гъодобериб	
2.	Диядилал	Баланоб, Сех, Балдукъ, Кьодух, Росоль, Дадулазда	

3.	Халилал	Шибиллазда, Балдукъ, Щобада, Агъада, ХIенда, ГIвалла, Дадулазда	
4.	Маччаял	Кукер, Гарбиллазда, ГIурала, Ивайлазда, Сех, Росоль, Агъада, Кьогъоб, Чарах, ГIусилазда, ГIунахъуцла	
5.	РахIмалал	Чарах, ХIебда, ГIурала, Цалада, ГIаниккалаб, Кьогъоб, Сех, ГъазирагIала	
6.	Ишмиял	ХIацоноб, ГIурала, Цалада, Кьогъоб, Сех, Росоль, ГIвалла, ХIенда	Гвадайилал, Шайлал Хочолал
7.	Танкалал	Чарах, МучIугIала, Мугъдаб, ГIурала, Ивайлазда, Цалада, Сех,	
8.	Дугъумилал	ГIумайласулазда, Кьогъоб, Сех, ГIвалла, Рахчайида, АсхIабикули	
9.	Къурбанчилал	Цамла, Рахчаида,	
10.	Шайихилал	Росотль, Сех,	Саламилал, СахIибилал, ОцохIилал
11.	Къулуласулал	Чарах, ХIацоноб, ГIурала, Басар, Сех, Гъарах, Росоль, Баланоб,	
12.	Гъородиносел	МахIачикули, Аса Хамагъиб, Кьодух	
13.	НухIилал (ГъогIасел)	Агъада	
14.	Билалал	Хамагъиб, Эгъеда, ГIюбоноб	Бартилал, ХIуриялал
15.	Миччиталалал	ЩагIалазда, Эхулазда, ГIамургъариб, Чонобакъдаб, ГIенсерода	
16.	Багилал	Росоль, Агъада, БацIикъварих, АсхIабикули	
17.	ГIабдайилал	Росоль, Къадикули, Аса Хамагъиб	
18.	Бакъдасел	Росоль, ГIвалла, Зазиккал, Эгъеда	
19.	Чакаласулал	Рахчайида, Сех	

Куядинский тухум, как и аварский тухум в целом, представлял собой, прежде всего, группу людей, связанных между собой сознанием родства и происхождения от одного предка или местом происхождения. Но вместе с тем куядинские тухумы включают в себя не только кровных родственников, но и присоединившихся к ним выходцев из других мест, которые переселились на земли данного тухума и приняли его название. В состав тухума входили индивидуальные, «малые» семьи, имевшие свою частную собственность (на землю, двор, скот и т.д.) и занимавшие различное экономическое и политическое положение в джамаате. Для обозначения тухума у куядинцев, как и у других аварцев, существовало и продолжает сохраняться и ныне понятие *кьибил* («род», буквально – «корень») и *кьолбол-чи* (авар. – «человек одного с тобой рода»).

Во главе каждого тухума стоял старший член тухума, отличающийся своим умом, хлебосольством, опытом и энергией, пользующийся авторитетом и признанный всеми членами тухума. Он был их руководителем и советчиком, контролировал выполнение всеми членами тухума своих обязанностей, следил за соблюдением ими норм адата. Все члены тухума были равны в решении общих дел тухума. Но в рамках джамаата тухум не обладал никакой исполнительной властью.

Наиболее важные вопросы, касающегося всего тухума, решались на тухумных сходах. На сходе поднимались проблемы защиты и охраны его членов, вопросы, связанные с кровной мезтью. Решались также вопросы присоединения новых членов, а также вопросы выдворения лиц из тухума за аморальные поступки и иные деликты. На сходе обсуждались дела, связанные с браками или подготовкой к свадьбе членов этого тухума, принимались решения о заключении союзов и установлении дружественных отношений с другими тухумами.

Что касается имущественных отношений в тухуме, то у куядинцев общетухумную собственность составляли: гумно (авар. – *гъоцIу*), сеновал для необмолоченного еще урожая злаковых (авар. – *богIол гъор*), молотильные доски, скотоводческие помещения на зимних и летних пастбищах, мель-

ницы, соха, меры сыпучих тел, большие бронзовые котлы. Ими одинаково могли пользоваться все члены тухума. В случаях отсутствия у одной семьи лошадей, ослов, а также орудий для земледелия практиковалось обращение к другим семьям (при этом отказывать было не принято). Однако земля находилась в семейной собственности. Что касается зимних и летних пастбищ, то они продолжали оставаться собственностью союза.

Все члены тухума, как уже говорилось, не только принимали участие в строительных работах, но и оказывали хозяину дома материальную поддержку. Причем, размер помощи зависел от степени родства. Большую помощь члены тухума оказывали родственникам и во время свадьбы, которая требовала больших затрат. Все члены тухума во время свадьбы, помимо своего непосредственного и активного участия в организации торжества, приносили в дом жениха и родителей невесты *сайигъат*. В состав *сайигъат* входила сушеная туша барана, *рамIал* (2 кг) топленого масла, мука, отрез на платье, платок и т.д. Наш информант Али Ашаханов рассказал, например, что «во время подготовки к свадьбе сына, мой дядя Абдусаламил Ибрагим позвал на помощь близких родственников, соседей, затем отправились за дровами в ругуджинский лес и привезли в селение на ишаках». Большую поддержку члены тухума от родственников получали и в случае каких-то несчастий. Так, если у члена тухума происходил падеж коровы или лошади, то все выражали соболезнование словами: «*балагъ босумо араб батаги*» (пусть станет ушедшей, забрав с собой беду), «*жиб кIочон тараб бихъугеги*» (да не увидим мы то, что заставит забыть это происшествие), а более состоятельные члены тухума дарили теленка или жеребенка.

Обязательной была взаимопомощь всего тухума и во время похорон, большинство обязанностей, связанных с похоронами, возлагалось на наиболее близких родственников семьи умершего, далее – по мере близости родства. Так, во время смерти человека сельские глашатаи (*магъуш*) передавали печальную весть по «голосовой почте» (*ахIу бай*) из хутора в хутор, распространяя ее среди родственников умершего. Поскольку традиционно у куядинцев было принято приглашать близких родственников и членов тухума на соболезнование, глашатаи в своем оповещении озвучивали список приглашенных родственников покойного. По словам А.А. Ашаханова, происходило это так: «Ле пуланав чи! ХIадур гъабе кагъат къалам! Гъав пуланав чи хIвана! Гъавги гъавги чи ахIолел ро зигараялъ!» (О, некий человек! Подготовь бумагу и перо. Этот некий человек умер! Этого и того человека зовут на соболезнование). По традиции ответ на приглашение являлся обязательным для родственников, но это не значило, что только одни родственники могли приходить на соболезнование. Разделяя горе, которое постигло тухум, весь джамаат села посещал дом покойного (куяд. *магIул рукъ, бокIон*) для выражения соболезнования (куяд. *зигара базе*).

Данная традиция служила неким институтом изучения тухумно-родственных отношений между сельчанами. Благодаря этой традиции представители всех тухумов практически знали о родственных отношениях не только внутри своего тухума, но и в других тухумах.

Основными характерными чертами тухума XIX в., присущими всем дагестанским обществам, были: защита членов тухума, отсутствие экономического и политического равенства между отдельными членами тухума, решение межтухумных вопросов сельским управлением, а не тухумной организацией, наличие в тухуме эндогамии. Важной особенностью были эндогамные браки, которые широко практиковались в куядинских тухумах, однако эндогамия не исключала экзогамию, что тоже можно наблюдать в традиционном куядинском обществе.

Как и у остальных аварцев, в собственности куядинского тухума были свои башни. Основное назначение такой башни – убежище от кровной мести или при внутрисельских конфликтах. К примеру, в местности Таймазида, недалеко от Росотль, на крутом склоне, сохранились руины сторожевой башни, некогда принадлежавшей тухуму Ишмиял. В этой трехэтажной башне прятались кровники. Предание гласит, что некогда в ней прятался человек, который запятнал себя убийством. Много врагов было у этого человека, и каждый из них пытался отомстить. Однажды один из них исполнил свой долг мести. Изучив местность, удобную для наблюдения, он выбрал большое яблоневое дерево, расположенное в местности *Росдал-хIур*, на окраине хутора Росотль, с которого открывался хороший обзор на башню. Определив точную дистанцию от башни до дерева, за тем деревом мститель поджидал момент, пока кровник приблизится к окну и одним выстрелом из ружья поразил его.

Как мы уже упомянули выше, куядинский тухум не был сугубо кровнородственным объединением. В него входили также потомки принятых в свое время в состав тухума кровников (*бидулав*), пе-

реселенцев (*апараг*) и военнопленных (*хъазахъ*). Например, тухум Ишмиял включает в свой состав переселенцев из Хунзаха – *Хочолал*. Выделяются семьи потомков ассимилированных грузинских пленных (куяд. *гъузул*; авар. *хъуэхъул*), захваченных в походах и набегах на Алазанскую долину. В отличие от некоторых других дагестанских селений в Куяде их потомки не образовывали отдельных тухумов, а входили в уже существующие тухумы своих бывших хозяев (*аде кӀумӀал* – «причисленные»). К началу XIX в. они уже влились в джамаат селения, однако не пользовались всей полнотой прав его членов.

Традиции куядинцев включали в себя специальную процедуру принятия новых членов в тухум. Последние приводили черного барана в качестве подарка и обращались к представителям определенного тухума с просьбой принять их в свой тухум. По решению совета тухума, в котором принимали участие авторитетные представители рода, обратившегося с просьбой о принятии в тухум и его семью могли включить в состав своей общественной группы, выделив им земельные наделы из собственности тухума.

Название тухума происходило от имени какого-нибудь видного предка или же по характеру прежней деятельности лиц, которые объединились в тухум, а также от названия их прежнего места жительства. Например, названия тухумов *Шайхилал*, *Диядилал*, *Халилал*, *Рахмалал*, *Къурбанчилал*, *Билалал*, *Багилал*, *Габдайилал*, *Маччаял*, *Чакаласулал* произошли от имени общего предка; тухумы *ГьогӀасел*, *Бакъдасел* и т.д. носят названия их прежнего места жительства.

Их расселение не подчиняется строгим правилам, хотя имеет некоторую закономерность. Некоторые хутора (*Цамла*, *МочӀогӀала*, *Балдукъ*, *Баланоб*, *Агада*) моногентильны, заселены представителями одного тухума. Согласно преданиям, эти группы из родственных семей издавна населяют принадлежащие им поселения. В большинстве тухумы заселяли хутора полигентильно (смешанно). Известными и многочисленными среди них считаются *Мачаял*, *Ишмиял*, *Диядилал*, *РахӀмалал*.

Следует отметить, что некоторые тухумы, наряду с сельскими кладбищами, в определенных хуторах, где проживали представители только одного тухума, имели также свои общие тухумные хуторские кладбища – например, в хуторах *Щибиллазда*, *Сивух*, *АсхӀабилкули*, *ЗангалӀАлил кули*, *ГӀвалла*, *Чоноб*, *БацӀикъварих*, *Кьодух*, *Кукер*, *ГӀумайласулазда*, *Геделода* и т.д. В Куяде жители до сих пор указывают на общесельском кладбище участки целого ряда тухумов (*Диядилал*, *Шайхилал*, *Ишмиял*, *Билилал*, *Маччаял* и др.), где их потомков продолжали хоронить до недавнего времени. Даже в наши дни, когда у села есть общие кладбища (*ГӀурала*, *Кьогъоб*, *Сех*, *Росоль*), каждый тухум имеет на них свой участок. То есть представители тухума предпочитают хоронить родственников рядом друг с другом. Однако у куядинцев встречалось и такое явление, когда захоронение основателя рода или чем-то отличившегося члена тухума осуществлялось недалеко от его дома, на зимних и летних пастбищах. Его считали святым, называя *лъикӀав чи* (дословно: «хороший человек»; но смысловой перевод: «святой человек»). Можно отметить такие случаи в некоторых хуторах: например, имам *МутӀалип* из хутора Мугъдаб похоронен рядом со своим домом; основатель тухума *Шайхилал* – Шайхилав похоронен на зимнем пастбище Геделода.

Выводы

Община Куяда, как нам видится, дает пример интересного, можно сказать, исключительного сохранения или, точнее, произошедшего ренессанса архаичной тухумной организации расселения. Судя по имеющимся отрывочным данным, имевшие место в XIV–XV вв. во всем Нагорном Дагестане процессы укрупнения населенных пунктов не обошли стороной Куядинскую котловину. Объединение хуторов в этом микрорегионе, скорее всего, произошло во второй половине XV в. в местности, известной поныне как Росотль (авар. *Росоль* – «в селении»). Однако вследствие эпидемии чумы 1687 г. жители единого поселения приняли решение о расселении по хуторам. Такая мера рассредоточения и определенной изоляции небольшими семейными, тухумными группами явилась, очевидно, действенным методом противоэпидемиологической профилактики. Но куядинцы, переселившиеся было временно на свои хутора, не вернулись в заброшенный Росотль, а продолжили жить дисперсно. Вероятно, большая часть куядинцев вернулись в свои прежние, ранее существовавшие тухумные поселения. Такой вывод можно сделать в отношении некоторых поселений (к примеру, *Балануб* изначально был населен тухумом *Хиндалал*). Вместе с тем возникли и новые хутора, большинство из которых по сей день не имеют своих кладбищ.

Таким образом, вероятно имевший место 200-летний период поселенческой централизации в истории Куядинской котловины (1480–1680-е гг.) сменился возвратом к прежней системе расселения по мелким преимущественно тухумным поселениям. Впоследствии эта система расселения по тухумным поселениям – хуторам стала нарушаться вследствие переселений с хутора на хутор, передачей недвижимого имущества в наследство дочерям, а также переселением в Куяду уроженцев других аварских селений. Так, например, в Куяде оказались представители ругуджинского тухума Чакаласулал; кровник из селения Гоаб (ныне – Чародинский район) Нухил Хасан с семьей в начале XIX в. образовал еще один тухум; тухум Бакдасел был образован переселенцами из Гоцатля. Таким образом сложилась и ныне существующая поселенческая структура Куядинской котловины. Однозначно ответить на вопрос, «почему не произошел возврат прежней централизованной системе поселения», трудно. Можно лишь предполагать, что таким рассредоточением члены куядинской общины спасались от возможных эпидемий, которые были нередки в истории Дагестана.

Но более важной, очевидно, стала хозяйственная целесообразность. Имеется в виду приспособление к традиционной тухумно-хуторской жизнедеятельности, нежелание вновь нарушать сложившийся хозяйственно-экономический статус-кво, лучшие возможности для занятия земледелием на вновь освоенных и целинных земельных участках, закрепленных за хуторами и ранее располагавшихся на отдаленных, экономически затратных расстояниях от центрального поселения Росотль, расположенного на труднодоступном мысу. Не последнюю роль, очевидно, играло и мирное сосуществование с соседними общинами, благоприятная внешняя ситуация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1974. 176 с.
2. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. С. 15.
3. Посемейные списки населения Дагестанской области 1886 года и переписи населения 1897 и 1926 гг. / сост. *М.К. Нагиева*. Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. С. 47.
4. *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. 339 с.
5. *Марковин В.И.* Дорогами и тропами Дагестана. М.: Искусство, 1974. 198 с., ил.
6. *Исламмагомедов А.* Поселения аварцев в XIX–XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Сер. историческая. Т. 12. Махачкала, 1964. С. 155–174.
7. *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.
8. *Зербалиева Н.Ф., Магомедова Х.М., Раджабова Г.С.* Куядинский говор андаляльского диалекта аварского языка: многоуровневый аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2(68), ч. 1. Тамбов: Грамота, 2017. С. 96–100.
9. *Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.* Карах в XII – нач. XX в. (исторические и этнографические очерки). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2019. 656 с.

Поступила в редакцию 30.04.2025 г.

Принята к печати 28.06.2025 г.

Хапизов Шахбан Магомедович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: markozul@mail.ru

Shakhban M. Khapizov, Candidate of History, senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Center of RAS; e-mail: markozul@mail.ru

Хирачиев Магомед Магомедкилович, учитель истории и права, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, ГКОУ РД «Новомузурхская СОШ Чародинского района»; e-mail: khirachieff2024@mail.ru

Magomed M. Khirachiev, deputy Director for Academic Affairs, Teacher of History and Law, Novomugurukh Secondary School of Charodinsky District, Republic of Daghestan; e-mail: khirachieff2024@mail.ru